

Michail GENIN / Михаил ГЕНИН

UNEWIGE GEDANKEN

НЕВЕЧНЫЕ МЫСЛИ

Deutsch von Peter Ott

Mit dem Schreiben von Aphorismen-
habe ich sehr früh angefangen – meine
Frau und die Kinder schliefen noch.

Wie klein doch die Welt ist! Man stößt
immer nur auf sich selbst.

Eigentlich mag ich es nicht, in den
Spiegel zu schauen, und jahrelang ha-
be ich es auch vermeiden können, aber
neulich blinzelte ich doch ein wenig –
mein Gott! wie alt war er geworden!

Wer will, der kann, und wer nicht
kann, der soll nicht wollen.

Es gibt Menschen, mit denen man al-
les teilen möchte, was sie besitzen.

Geben Sie mir doch bitte meine Ver-
gangenheit zurück – in der hatte ich
eine so helle Zukunft!

Nicht alles ist so schlimm, wie es
scheint. Vieles ist noch viel schlimmer.

Die Bildung geht verloren, doch die
Bildungslücken bleiben uns erhalten.

Warum beeilt sich die Zeit? Um Ewig-
keit zu werden.

Ideen leben, sobald für sie gestorben
wird.

Писать афоризмы я начал очень
рано: жена и дети еще спали.

Мир тесен – постоянно натыка-
ешься на себя.

Не люблю смотреться в зеркало,
годами к нему не подхожу, а тут
как-то глянул – боже, как оно
постарело!

Кто хочет, тот может, а кто не
может, тот и не должен хотеть.

Встречаются люди, с которыми
хотелось бы разделить все, что
они имеют.

Верните мне мое прошлое – в
нем было такое прекрасное бу-
дущее!

Не все так плохо, как кажется:
многое гораздо хуже.

Знания забудутся, пробелы в них
– никогда.

Куда торопится время? Спешит
стать вечностью.

Идеи живут, пока за них умира-
ют.

Mit dem Knebel im Mund spricht es sich schlecht; dafür denkt es sich aber wunderbar!	С кляпом во рту не поговоришь. Зато как думается!
Der Mensch kann alles! Genau das machte mich hellhörig ...	Человек все может! Вот это меня и настораживает...
Stillschweigen des Volkes = Gold des Tyrannen.	Молчание народа – золото тирана.
Für die im Paradies Lebenden – ist die Hölle reine Exotik.	Для живущих в раю ад – это экзотика.
Der Duft von Freiheit wirkt auf Sklaven erstickend.	Воздух свободы вызывает у рабов удушье.
Bei der Leibesvisitation wurde nichts Kompromittierendes gefunden außer der Intelligenz.	При обыске у него не нашли ничего компрометирующего, кроме интеллекта.
Das Geständnis der Schuld mildert das Urteil des Unschuldigen.	Признание вины облегчает участь невиновного.
“Heutzutage erheben die Leute ihren Kopf viel wagemutiger“, gestand der Henker offen, “das Arbeiten mit ihnen ist angenehm einfach geworden!“	“Сегодня люди смелее поднимают голову, – признался палач. – С ними стало просто приятно работать!“
Je wahrhaftiger die Lüge, umso gefährlicher ist sie.	Ложь тем опаснее, чем правдивее.
Der Hungrige ist gutmütig, wenn er satt ist.	Голодный человек добр, когда сыт.
Die Opfer haben kein Alibi: sie können immer auf frischer Tat ertappt werden.	У жертв не бывает алиби: их всегда можно застать на месте преступления.
Die zeitgenössische Justitia: auf den Augen die Binde, in den Ohren die Watte, im Mund den Knebel.	Современная Фемида: на глазах – повязка, в ушах – вата, во рту – кляп.
Man kann die Seele töten, auch ohne ihr eine Existenz zuzugestehen.	Можно убить душу, и не признавая её существования.
Zuletzt ist der einzige Vorteil des Sklaven – er kann der Freiheit nicht mehr beraubt werden.	Последнее преимущество раба – его нельзя лишить свободы.
... Selbst die Unsterblichkeit dauert nicht ewig.	... И бессмертие не вечно.
Die Größten unter uns pflegen selten am Leben zu sein.	Великие редко бывают живыми.

Da sicherste Merkmal des echten Poeten ist das Staunen über eine Welt, die durch seine eigene Phantasie erschaffen wurde.

Nicht der ist Schriftsteller, der schreibt, sondern der, der auch gelesen wird.

Ob ein Mensch gelebt hat oder nicht, kann man erst nach seinem Tod sagen.

Mancher scheint zur Intelligenz zu gehören, ist aber gar nicht so übel.

Wie kann einer nur so viele Fehler alleine machen?! Sie sind bestimmt ein eifriger Arbeiter!

Wie selten der Mensch doch die Hauptrolle im eigenen Leben spielt!

“Machen Sie doch Licht“, schrie der Zuschauer. Mir wird hier ganz angst und bange so allein!“

Hätte der Bildhauer rechtzeitig alles Überflüssige abgeschlagen, bliebe von dem Denkmal nur der Sockel übrig.

Alles Geniale ist einfach, sagte die Amöbe schon immer.

Auf den Homo sapiens blickend sinniert der Affe: “Es gibt wirklich keine Grenzen für meine Vervollkommnung!“

“Du bist mein Sternchen“, hauchte er.

“Du auch“, seufzte sie...

Mein Gott, wie weit waren die beiden von einander entfernt!

Eunuch zu sein, ist keine Anstellung. Das ist Schicksal.

Was haben wir alles noch nicht gemacht! Und was steht uns noch bevor, nicht zu machen!

Gäbe es keine Dunkelheit, dann wäre die Lichtgeschwindigkeit gleich Null.

Первый признак истинного поэта – это удивление перед миром, созданным его собственным воображением.

Писатель не тот, кто пишет, а тот, кого читают.

Понять, жил человек или нет, возможно только после его смерти.

Иной только кажется интеллигентным, а на самом деле очень неплохой человек.

Совершить одному столько ошибок! Да вы, батенька, великий труженик!

Как редко человек играет главную роль в собственной жизни!

– Зажгите свет в зале! – закричал зритель. – Мне страшно одному!

Отсеки скульптор вовремя все лишнее, от памятника остался бы один пьедестал.

Все гениальное – просто, говорила амеба.

Глядя на человека, обезьяна думала: “Нет предела моему совершенству!“

– Ты – моя звезда! – воскликнул Он.

– А ты – моя! – откликнулась Она. Боже, как же они были далеки друг от друга!

Евнух – это не должность, это судьба.

Как много мы еще не сделали! А сколько нам еще предстоит не сделать!..

Не будь тьмы, скорость света равнялась бы нулю.

Die Stille... Welch ein wunderbares Echo erregt sie!

Was ist euch lieber – die eigene Meinung oder alles Übrige?

Trotz der Unsichtbarkeit der Gehirnwindungen ist es sehr auffallend, wenn sie nicht vorhanden sind.

Wie schön sind doch die vielen Dinge, die den Menschen jetzt umgeben! Und mit jedem Tag bedrängender und bedrängender...

Ist das nicht schlimm, wenn die ganze Welt besser lebt als du? Dann kannst du mit niemandem Mitleid empfinden.

Letztendlich sollte ich beide Augen vor meinen Charakterschwächen zudrücken. Ich habe es satt, mich an ihrem Anblick zu weiden.

Das Gewissen quält mich schon lange nicht mehr. Offenbar hat es Mitleid.

Was für ein ausgezeichnete Nekrolog! Könnte man doch damit leben, leben...

Hast du deinen Platz im Leben gefunden, dann warte, bis er frei wird.

Wenn niemand dich beneidet, dann frage dich, ob du richtig lebst.

Denk lieber nach, bevor du den Mund aufmachst, und nur dann schweig.

Lache über einen Witz so lange, bis du seinen Sinn verstanden hast.

Pass auf dich auf! Kann sein, ich brauch dich noch.

Alles, was du brüderlich teilst – gehört auch dir, den Rest nehmen sie schon selber.

Тишина... Какое изумительное эхо она вызывает!

Что лучше иметь – собственное мнение или все остальное?

Хоть извилин и не видно, но когда их нет – это очень заметно.

Как много прекрасных вещей окружает теперь человека! И с каждым днем все плотнее, плотнее...

Плохо, когда весь мир живет лучше тебя: абсолютно некому посочувствовать.

Волей-неволей приходится закрывать глаза на свои недостатки: надоело ими любоваться.

Совесть меня давно уж не мучает. Видно, жалеет.

Замечательный некролог! С таким бы жить и жить...

Нашёл место в жизни – жди, пока оно освободится.

Если тебе никто не завидует, спроси себя, правильно ли ты живешь?

Прежде, чем что-то сказать, сначала подумай, а потом уж молчи.

Смейся над шуткой до тех пор, пока не поймёшь её смысла.

Береги себя – вдруг ты мне понадобишься?

Что отдал людям – твое, что оставил себе – они возьмут сами.

Lass dich nicht von schlechten Menschen betrügen! Es gibt doch so viele gute ...	Не позволяй плохим людям обманывать тебя! Вокруг столько хороших...
Entspricht dein Aussehen nicht deiner Gesinnung, dann wechsle sie.	Если твои убеждения не соответствуют твоей внешности, измени их.
Lesen Sie doch Bücher! Einige von ihnen wurden speziell dafür geschrieben.	Читайте книги! Некоторые из них специально для этого написаны.
Haben Sie keine Angst vor dem Lebensabend! Er geht auch vorbei.	Не бойтесь старости – она пройдет.
Stößt du auf keine Schwierigkeiten mehr? Dann bist du bestimmt auf dem falschen Weg.	Если ты перестал встречать трудности, значит ты сбился с пути.
Nichts hilft so gut die Einsamkeit zu überleben wie der Neid.	Ничто так не помогает пережить одиночество, как зависть.
Kleine Erfolge ärgern richtige Freunde nie.	Маленькие успехи никогда не огорчат настоящих друзей.
Die Natur kennt keine Lücken. Deshalb wird die Stelle, die ein Hanswurst frei macht, sofort von einem anderen besetzt.	Природа не терпит пустоты – вот почему место, освобожденное одним дураком, тут же занимает другой.
Die eigenen Charakterschwächen sind leichter zu überwinden, wenn man gegen sie genauso gut angeht wie gegen die Vorzüge der anderen.	Собственные недостатки легче победить, если бороться с ними, как с чужими достоинствами.
Fällt deine Bescheidenheit niemanden auf, dann ist etwas faul an ihr.	Если твоя скромность не бросается в глаза, значит с ней что-то не так.
Ein weher Zahn, bei lauter Musik gezogen, lässt den Arzt keinen Schmerz empfinden.	Если больной зуб удалять под громкую музыку, врач совсем не почувствует боли.
Wenn man sonst schon keine anderen Vorzüge hat, so scheint die Bescheidenheit auch nicht mehr so wichtig.	Когда нет других достоинств, скромность будто бы и ни к чему

ОТЕЦ

Писать об отце трудно, не впадая в пафос и не лукавя. Решето моей памяти слишком крупно: сохранились лишь обрывки, которые так срослись с его собственными историями и с рассказами других людей, что походят на легенды и мифы – как, впрочем, это всегда и происходит с прошлым. А попытаться все это отбросить, так и рассказать будет не о чем. Все начнет сыпаться и просыпаться. В решете останутся разве что чудеса – смутные чувства и тревожные запахи, и постоянно меняющееся лицо, ускользающее по прошедшим годам в неразличимое беспмятство...

Лет в семь я прочитал заходеровское: «никакого нет резона у себя держать бизона, потому что это жвачное грубое и мрачное», и почему-то очень полюбил и стишок, и бизона, которым, разумеется, сразу стал мой отец. «Грубость» была для меня просто знаком силы – я, конечно, не мог не гордиться, наблюдая, как мой отец титанически корчует на даче пни. Веселый, полный надежд и энергии. А мрачность... Проступала ли она уже тогда, или я угадал случайно?

Дача – самое счастливое время и место моей жизни. Трава выше меня, печка буржуйка, керосиновая лампа, вода из далекого колодца. Молодые родители, не боящиеся никаких трудностей. Радостные ожидания отца, приезжающего на попутках из Москвы и идущего от далекой деревни пешком с тяжелым рюкзаком за плечами. Его мучительные боли в пояснице, из года в год, и мама вяжет ему шерстяную телогрейку. А потом он поскользывается на куче бревен и падает, обрушивая кучу на себя, и радикулита как не бывало. А как-то, возвращаясь с дачи, он ловит очередную попутку – цистерну с молоком – и отказывают тормоза, и машина на полном ходу врезается в кучу других стоящих на светофоре машин. Об этом я узнаю лишь через много лет – меня «берегут» и врут, что отец упал с лестницы – как будто это что-то меняет...

Вот наш сад, он весь утыкан "плодово-выгодными" деревьями, и неутомимый «древесный бизон» часами висит на вишневых деревьях, соперничая с дроздами и собирая кислющие ягоды, из которых мама делает чудесное варенье. А вот отец, у которого наконец-то выходной, героически преодолевая непременно наступающую сонливость, вслух читает нам от корки до корки тол-

стенные книги: "Записки пиквикского клуба", "Мертвые души" и "Тихий Дон" для мамы, и еще какие-то, которых я уже не упомяну. Он читает, и слушать его так уютно!..

Литература была его страстью. «Когда я ем, я глух и нем» – это было не про нас: в те времена за столом всегда что-то читалось вслух или обсуждалось. Другой страстью была музыка. Хоть он был всего лишь барабанщик, он узнавал мгновенно любую симфонию и увлеченно пел вместе с радио, и голос его вплетался в оркестровую ткань и постепенно брал верх, так что далее мы слышали в основном уже только его интерпретацию. Или он приносил карманную партитуру какой-нибудь бетховенской симфонии, ставил пластинку и учил меня следить за вступлениями и смещениями инструментов, успевая при этом напевать, отстукивать ритм и размахивать руками. Собственно, моя сестра и я – мы стали двумя детьми его двух страстей...

А еще было здорово приходить к отцу в цирк. Представления я совершенно не любил, разве только клоунов. Гораздо интереснее была жизнь за кулисами: запахи животных, здоровенная нога слона, запросто разгуливающие и жонглирующие на ходу артисты.

И комната оркестрантов, где отец резался и выигрывал в шахматы, за что получил от друзей в подарок красивые фигурки из матового стекла, которые он передарил мне, поощряя мой интерес к премудростям этой игры. И маленькая, тесная, забитая музыкантами, инструментами и нотными пультами оркестровая площадка, где мне однажды разрешили посидеть и понаблюдать, как мой отец, внимательно следя за ареной, смачно озвучивает каждый удар кирпичом по бедной клоунской голове. И, конечно, излюбленные цирковые истории: кто с кем разругался и разошелся, кто шлепнулся с трапеции, кто какого дрессировщика на сцене задрал. И легенда о том, как какой-то выпивоха все приставал к моему отцу, чтобы заставить его дерябнуть водки – то ли отец спор какой проиграл, то ли просто так. Водку отец не то что не уважал – весь его организм сотрясался от одного запаха сивухи. В те редкие моменты, когда он по необходимости опрокидывал за столом рюмочку, на его лице отражалась такая неповторимая гамма чувств, что жадные до острых бесплатных ощущений гости замирали в неподдельном восторге, и для такого смертельного номера не хватало лишь положенной барабанной дроби. Так вот, в цирке, чтобы покончить с этим занудным приставалой и не растягивать пытку, отец в присутствии очевидцев осушил одним ма-

хом граненый стакан, после чего снискал славу тайного алкоголика...

Как-то собрался отец с цирком на долгие три месяца в Африку. К отъезду готовились тщательней, чем к тюрьме: мама сушила и обжаривала в духовке бесчисленные сухари из черного хлеба, который в тех краях не водился, – лучший подарок всем музыкантам и истосковавшимся по Родине посольским работникам. Провожали, конечно, всей семьей. Сухарей было несколько мешков, и запихали их с трудом в государственный контейнер с барабанами. А потом мы дома, получая письма, следили по карте за его передвижениями где-то там, в совсем нереальном мире.

Потом отец бывал в Африке еще два раза, исколесив кучу городов и стран и основательно подорвав свое здоровье, и каждый раз возвращался с уймой рассказов: про обезьян и слонов, про горы бананов и арбузов, про изматывающую жару и бесконечные цирковые представления, каждый день на новом месте. Про опасные ночные переезды в горах по узкому серпантину и про изможденных музыкантов, вынужденных всю дорогу горланить песни, чтобы водитель не уснул за рулем. Про ужасные гостиничные рестораны и пищу, на приготовление которой лучше было не смотреть. Про ползающих ночью по потолку гадов, похожих на морских звезд, которых разгоняют с помощью швабры, и про змей, плюющих прямо в глаза. Про то, как в гостиницах вылетали пробки, когда наши артисты дружно втыкали в розетки свои кипятильники. И про то, как их, советских граждан, один раз поселили в срочно уплотненном по сему случаю борделе...

Наибольшей популярностью на шумных застольях пользовалась его история про самолет. Поднимаясь по трапу для очередного перелета, отец ни с того ни с сего, неожиданно для самого себя ткнул пальцем в направлении одного из шасси и пошутил в привычной для него манере: «Что-то мне это колесо не нравится!» В самолете просидели целый час, так и не взлетев, потом всех почему-то попросили выйти. Спускаясь по тому же трапу, заметили рабочих, возившихся как раз у того самого колеса. Вспомнили про шутку, и всем стало не по себе. Тут же донесли сопровождавшему группу гэбисту. Потом всю дорогу тот уныло приставал к отцу, пытаясь его «расколоть» на признание, откуда он получил информацию о неисправном шасси. С тех пор все стали слишком серьезно относиться к подобным шуткам моего отца и зачастую суеверно пытались прервать его на полуслове.

Но лучше всего были его рассказы о далеких временах. Он ведь рос без родителей, и его воспитателями были такие же, как он, дети – его товарищи по несчастью, по детскому дому и военно-музыкальной школе. Рассказывая об их судьбах, он всегда удивлялся, до чего ж ясно было уже тогда, что из кого получится. Ворох горьких и смешных воспоминаний остался у него с той поры. Остались и настоящие друзья. Вся его закваска, все его понятия о порядочности и верности слову, его равнодушие к всевозможным "благам" – из того тяжелого и ясного времени. Не подличать, не шкурничать, не искать выгоды, не доносить и не унижаться, держаться вместе и всё делить на всех – простые и естественные принципы на всю жизнь. Они были ему не в тягость, хоть и становились все более несовременными.

Абсурдность армии, в которой концентрировалась абсурдность всей советской системы, сделала из моего отца braveго солдата Швейка. Со скромной гордостью показывал он мне лист, куда были занесены все его многочисленные отсидки на «губе». Причина гауптвахты была указана всюду одна и та же: «за пререкание», варьировался только срок. Собственно, он всю жизнь только и делал, что пререкался, неуклонно повышая профессиональный уровень своих проступков.

Из его армейских сценок запомнились две. Хоть он и служил в кавалерийской школе имени Буденного, на лошади так ни разу и не посидел. Как-то раз кому-то в штабе пришло в голову, что воспитанники-музыканты должны порадовать москвичей своей игрой. Их решили усадить на лошадей вместе с инструментами: пусть себе дудят и галопируют одновременно. Мой дальновидный отец, прикинув, какие последствия для неумелого седока влечет за собой удар по барабану под ухом у лошади, наотрез отказался и заявил, что лучше уж пойдет на «губу». Дирижер поразмыслил и предложил выгодную сделку: проводить вместо него политзанятия. Слывший говоруном отец немедленно согласился и так и остался на этом празднике жизни безлошадным зрителем, ничуть об этом не жалея. Даже без удара по барабану эффект вышел внушительный: непривычные к чудовищным звукам животные с испугу покрушили все вокруг, раскидав инструменты и седоков в разные стороны, и только тубист так и остался висеть в стремени головой вниз вместе со своей тубой.

В другой сценке тому же оркестру воспитанников выпала священная миссия – встретить генерала маршем и сопровождать его удалое гарцевание вдоль выстроенных на плацу войск. Была

только одна загвоздка: генерал потребовал, чтобы в те волнующие мгновения, когда конь под красной попоной будет картинно застывать с задранной ногой, оркестр сразу же бросал бы марш и дул изо всех сил аккорд "фа-мажор". Для чего – бог его знает. Видать, этот генерал обладал особо тонким и пластическим цвето-музыкальным восприятием мира, наподобие русского композитора Скрябина. Но высокая творческая задача оказалась музыкантам не под силу: духовики чуть не поумирали, когда конь, эта подлая тварь с медным всадником на загривке, внезапно надолго окаменел, решая, когда и где опустит он копыто.

Но чаще всего рассказывал отец про то, как он подговорил двух своих товарищей внести свою лепту в защиту Родины, и они сбежали из воинской части: так сказать, дезертировали в направлении фронта. На станции они уговорили какого-то старшину, везшего коров, взять их с собой. Тот обрадовался дармовым помощникам и пустил их в вагон, казавшийся в темноте пустым. Забрались они на сено, заснули. Среди ночи просыпается отец, а его кто-то лижет! Шершавым таким языком. Отец и говорит: «Валька, меня тут лижут!» Протянул товарищ руку – а это здоровенный бычара оказался, племенной производитель. Забились они в угол от страха и так всю ночь и просидели. Утром стали старшину укорять – чего не предупредил? А он: на фронт собрались, а быка испугались!.. По пути на беглецов была возложена забота о коровнике и этом быке, которого звали Моряк (у старшины-еврея выходило «Могак»): таскали воду, пролезая на станциях под эшелонами, чистили вагоны, выбрасывая навоз на полном ходу. Когда старшина их все-таки ссадил, они забрались на платформу с танками и пролежали несколько часов, уткнувшись лицом в снег – чтобы часовой с соседнего вагона не заметил. Их, как подозрительных личностей без документов, могли по законам военного времени шлепнуть запросто и без долгих разбирательств. До фронта однако им так и не удалось добраться, и они вернулись назад, где над ними хотели устроить показательный суд...

У моей сестры есть такие стихи: «Когда мой отец, / детдомовский мальчишка, / убежал на фронт со своим другом, / друг был убит в пути. / Про него никто не рассказывает: / ”Когда мой отец...”»

А еще – но это уже гораздо позже – была Литгазета. Маленькая узкая комнатка редакции Клуба «Двенадцать стульев», на двери возле таблички – неподобающая картинка (то ли две высо-

вывающиеся из унитаза руки, раскрытые «цветком», то ли одна рука тонущего там же), как войдешь сразу шкафчик с экспонатами – «личными вещами Евгения Сазонова, людоведа и душелюба» (моему отцу тоже довелось выступать в газете под его личной), столы, заваленные бумагами, и большие, бородатые, но не страшные, пропахшие сигаретами редакторы и авторы, большей частью подозрительной национальности, счастливы праздные, непрерывно штукующие и азартно, до самозабвения, режущиеся на деньги в диковинный элитарный «скрэбл»... И были истории – о беспросветной тупости начальства и о подвигах бесстрашного и политически неблагонадежного Ильи Сулова, упорно продолжающего носить один и тот же сомнительной рассказ «наверх» разным дежурным по выпуску, после которых на титульном листе оставались страшные следы их власти – наляпаные вкривь и вкось смертельные диагнозы: «запретить!», «антисоветчина!» или же просто «вы что, меня за идиота принимаете?» Но рано или поздно все же удавалось обмануть бдительность этих «недремлющих очей» и напечатать что-нибудь эдакое. Пока не разразился скандал из-за совершенно безобидного рассказика Климовича, где в дымину пьяный мужик ловил ночью такси на бульваре, покуда не заметил «голосующего» собрата, уже совершенно замерзшего, сволок его домой, а утром продрал глаза – в кровати памятник. Получив звонок «по вертушке» из самого ЦК, вся редакция моталась на такси по столице в поисках доказательств, что не один только Владимир Ильич торчит на бульварах с протянутой рукой...

Афоризмы отец начал писать как-то незаметно для всех еще в цирке – между делом и без отрыва от производства. А когда заметили, было уже поздно: его известность набирала обороты.

Хотя, честно говоря, эти маленькие фразы поначалу мало кто воспринимал серьезно: подумаешь, какая невидаль, шутников много. Да отец и сам не верил, что это так серьезно. К «невечным» мыслям еще долго надо было продираться через шелуху каламбуров.

Сначала он бросил цирк. Купил ударную установку, новую, отливающую чудным красным перламутром, и стал играть в ресторанных ансамблях. Чтоб угнаться за модой и за молодыми, пришлось переучиваться, и он часами занимался дома, странно выворачивая руки и зажимая палочки между двумя пальцами, большим и указательным. Это была его стихия – ритм, дерзкие «брейки» и резкие синкопы и, конечно, соло – в тридцать два и в

шестьдесят четыре такта, которые он играл, полностью выкладываясь и корча от напряжения жуткие рожи.

Но здоровье ухудшалось (тут отец непременно сказал бы: как же такая хорошая вещь, как здоровье, может вдруг ухудшиться? – «сердце у меня очень хорошее, только больное»), да и времени на афоризмы не хватало. И он принял решение. Кажется, у нас в семье я узнал о нем последним. Помню всеобщее волнение и неуверенность: еще бы! – главный добытчик бросает, как Моцарт, свою (какую-никакую) службу, покидает теплое стойло и уходит пастись на дикие неогороженные пастбища! Проклятое искушение оставить после себя что-то нетленное...

Но бояться было нечего: к этому времени он уже вовсю выступал с концертами. Он ужасно гордился: несмотря на сомнение многих эстрадных акул в том, что такие "мелочи" вообще могут звучать со сцены, афоризмы звучали, и еще как! Сначала по "закрытым" институтам, потом и в концертных залах, от Владивостока до Бреста, с "Двенадцатью стульями" Литгазеты, с "рупорами перестройки" журналом "Огонек" и газетой "Московский комсомолец", в передаче "Вокруг смеха" на телевидении. Пять минут или два часа, тесная комната или огромный зал, ученые, солдаты или генералы – по сути, ему было все равно. Главное – там были люди, лица, долгие беседы, новые знакомства и новые судьбы.

Интересны были ему в жизни только люди. След от оконченного им философского факультета был, по-моему, неглубок: сложное и абстрактное философствование не увлекало его совершенно. Будучи неважным психологом, он любил людей, доверчиво и простодушно. И, как многие очень вспыльчивые люди, он готов был первый протянуть руку после жуткой ссоры и не держал ни на кого и ни за что зла.

Как-то раз он сказал: «Знаешь, есть писатели, знаменитые одной-единственной строчкой – вот от Орлова осталось только это, гениальное: "Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдатом..."». Потом прибавил лукаво: «Я надеюсь, после меня останется все же несколько строчек...»

Искусство вечно, а жизнь коротка, как афоризм.

Еще до отъезда в Германию отца стали реже приглашать на выступления: времена пришли другие, коммерческая ценность его выступлений – без пошлости, китча, эпатажа, панибратства – стала сомнительной. Настоящие друзья, шумные и веселые за-

столья почти иссякли. А слушатели были ему все нужнее, они могли бы убереечь от наступающего мрака и дать еще чуть-чуть поиграть в незаменимого в любой компании блистательного рассказчика и неутомимого шутника...

Врачи сказали, что он перенес множество микроинсультов. Там, на снимке мозга они показали мне выгоревшие области – черные точки, несшие моему отцу болезнь и смерть. Безобидные на вид и маленькие, как и его фразы. Как его «невечные мысли», додумать которые до конца было для него самым важным на свете делом. Ни на мгновение не отпускающие, заставляющие и бессонной ночью вновь и вновь мучительно переделывать и оттачивать – "крутить", как он это называл.

Видно, опасное это было занятие. Публики не стало, и его мыслям некуда было деться. Они крутились, и, остро отточенные, так и оставались в нем, вонзаясь и оставляя после себя сожженные мосты и маленькие черные точки...

Вот и все. Долгие годы на нескольких страницах. На самом деле, все было совсем не так, я же и сам это понимаю. Да только стоит ли пытаться разыскивать правды – наводить справки и вопрошать, настоящее ли это прошлое или ненастоящее? Оно, как и в романах Фолкнера, всегда настоящее, оно меняется с каждым теперешним мгновением – всего лишь наше собственное отражение... С годами я становлюсь чуточку на него похожим: хоть я и ленивее, мелочнее, благополучнее и избалованнее, но у меня сын и дочка, я учу ее музыке и редко вижу, я глотаю таблетки и повязываю свою поясницу шерстянкой, я музыкант, но почему-то пишу все это...

В случайном разговоре с одной пожилой, властной и высокомерной дамой, вдруг выяснилось, что она была ведущей многих концертов, в которых выступал мой отец. Тут она внезапно смягчела и с ностальгической нотой в голосе сказала мне: «Знаете, а ведь он был совсем не такой, как другие... Вы себе и представить не можете, что там за кулисами творилось! Все суетились, вычисляя, когда, за кем и перед кем им выходить на сцену, ссорились и скандалили, пытались куда-то пролезть и с кем-то поменяться. Только один Миша просто стоял в стороне, что-то обдумывая и ожидая своего выхода...»

Он теперь снова в стороне. И снова просто ожидает своего выхода.

Наталия ГЕНИНА

* * *

Возвращается к исходу
жизнь – усталая вода...
Обжигаясь, дуй на воду,
повторяя: никогда...
Потому что между делом
замолить нельзя грехи.
Белым я пишу – на белом
мёртвом зеркале реки.
Здесь, в непознанном раю,
где ныряют хором в «Prosit!»*,
где течением относит
тень привычную мою, -
глянешь в зеркало кривое
белозубой той воды –
и привидится живое,
ясное лицо беды.

**Prosit – тост, здравица (нем.)*

* * *

Перевожу на славянский тоску с санскрита,
самый последний грош за душою прячу.
Всё отпираю дверь, что давно открыта,
связкой ключей гремлю и беззвучно плачу.
Что я ищу? Не веру, а может статься,
только её предгорье, её предтечу.
Сколько можно доверчиво улыбаться?
Сколько можно лицо открывать навстречу?
Нет, ничего, увы, что не стерпит бумага.
Чиркну спичкой – руки над ней согрею.
Я, всесильная, сделать не в силах шага.
Я, бесстрашная, глаз приоткрыть не смею.
Перевожу с беспамятства и молчанья,
перевожу со всех языков на свете –
на бессмысленный, грешный язык отчаянья,
за который я вечно буду в ответе.

* * *

В расщелину меж бытиём и бытом –
разлаженным, раздёрганным, разбитым,
в дыру озонную, заветную войти,
оскальзываясь в космосе открытом,
склоняясь над распластанным корытом,
понять: иного нет у нас пути.

Известно – где по плану остановка.
Стрелять неловко, но в руках винтовка.
И цокает небесная подковка,
и никого нельзя предостеречь.
И на ладони Божия коровка
мычит – и в небо целится, плутовка.
Добытчик резвый, где твоя сноровка?
О чём бишь я? Да не о хлебе речь!
Где родина? И гнётся знак вопроса.
Так отнимают душу без наркоза.
Так рассуждают твёрдо и тверёзо,
покачиваясь, превращаясь в прах.
И просто всё, как во поле берёза.
Кобыле легче, если баба – с воза.
Щекочет ноздри вешний дух навоза,
и птица-тройка жмёт на всех парах.
Куда? Ну, не даёт она ответа.
Меня ссадили: езжу без билета.
Конец туннеля, а быть может, света.
И больше не захватывает дух.
А ночью вспомнишь: возлюби соседа, -
и любишь всех подряд в порядке бреда.
И не припомнишь Нового завета,
покуда трижды не споёт петух.

* * *

Под грузом вер, любовей и надежд,
под ветром их неровного дыханья –
в Москву, в Москву! Пусть через Будапешт
или Бомбей. Урок чистописанья
давно закончен. Вольность не порок.
Зачёркнуто всё то, чем дорожила.
Вот Бог, я повторю, а вот порог,
а вот, гляди-ка, золотая жила.
Споткнёшься о неё на склоне лет –
на ягодицах скатишься со склона,
совсем как тот вечнозелёный шкет,
что весел и бесстрашен. А с амвона
небесного – бегущею строкой –
за словом слово и за птицей птица.
И, кажется, едва взмахнёшь рукой...
А не летится больше, не летится